

ПРИЗРАКИ БЕЛОГО МЫСА



ПАВЛОВА ОЛЕСЯ

Разломы

Олеся Павлова

Призраки Белого Мыса

«Автор»

2026

Павлова О.

Призраки Белого Мыса / О. Павлова — «Автор»,
2026 — (Разломы)

Она стояла в окне и перебирала жемчуг. Через неделю госпиталь закрыли. Тех, кто шёл на поправку, находили мёртвыми. Карелия, 1944 год. Полевой госпиталь в старой усадьбе «Белый Мыс». Медсестра Зинаида Петровна видит в окне женскую фигуру в белом — и понимает, что смерти раненых не случайны. Спустя много лет её правнук Глеб находит дневник и с ужасом узнаёт фамилию женщины с портрета. Вера Штальберг. Хозяйка усадьбы, которая не покидает её уже сто лет. Глеб собирает команду и едет в Карелию. Он ещё не знает, что усадьба говорит с каждым, кто переступает порог. Она предложит каждому то, от чего невозможно отказаться, — и заберёт самое дорогое воспоминание. А за отказ петля затянется навсегда. «Призраки Белого Мыса» — мистический триллер в традициях русской готики.

© Павлова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1. Пять теней	10
Глава 2. Приближение	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Призраки Белого Мыса

Пролог.

Октябрь 1944 года

Карелия, усадьба «Белый Мыс», полевой госпиталь.

Зинаида Петровна мыла руки над тазом, когда услышала, как захрипел рядовой Семёнов. Не так, как хрипят раненные во сне, - с этим звуком она свыклась за два года войны. Этот хрип был другим: влажным, булькающим, будто человек захлёбывался собственной слюной.

Она вытерла руки о передник и подошла к койке. Семёнов лежал с открытыми глазами и смотрел в угол, где ничего не было, только облупившаяся штукатурка и тень от печной трубы.

- Сестрица, - прошептал он, не поворачивая головы. - Она опять там.

- Кто? - Зинаида Петровна поправила сбившуюся косынку, хотя внутри уже похолодело. Она знала, какой ответ сейчас услышит. Третью ночь подряд одно и то же.

- Барыня. В белом платье. Стоит и жемчуг перебирает, и улыбается.

Зинаида Петровна быстро перекрестилась, почти машинально, как делала всегда, когда страх подступал к горлу. Она хотела сказать: «Спи, голубчик, нет там никого», - но слова застряли. Потому что в углу, куда смотрел Семёнов, ей на секунду почудилось движение. Не фигура, нет, просто воздух сгустился, как над горячей печью, и дрогнул.

Она моргнула. Ничего.

- Спи, - выдавила она и отошла к окну.

За тёмным стеклом угадывались высокие сосны. Ветра не было, но одна ветка раскачивалась - мерно, как маятник. Зинаида Петровна смотрела на неё и считала про себя: раз, два, три. На четвёртом взмахе ветка замерла. И тогда она услышала тихий звук, будто кто-то провёл ногтем по стеклу с той стороны. Она резко отшатнулась от окна, быстро перекрестилась ещё раз, и пошла будить врача.

Утром Семёнова нашли мёртвым. Он лежал на спине, глаза открыты, рот приоткрыт, а на губах застыла белая ниточка - не то слюна, не то что-то другое, вязкое, перламутровое. Врач, усталый мужик с трясущимися руками, написал в рапорте «острая сердечная недостаточность». Зинаида Петровна видела, как он, отвернувшись, брезгливо вытер пальцы о халат, будто коснулся липкой паутины.

Через день умерли ещё двое, потом ещё один. Все - те, кто шёл на поправку, у всех на губах находили белую слизь.

Госпиталь закрыли через неделю. Раненых распределили по другим частям, персонал разъехался по новым назначениям. Зинаида Петровна уезжала последней. Уже сидя в кузове полуторки, она оглянулась на усадьбу. В одном из окон второго этажа, в правом крыле, горел мягкий, жёлтый свет, как от керосиновой лампы. И в проёме окна стояла женщина в белом. Она не махала, не улыбалась. Просто стояла и смотрела вслед, и Зинаида Петровна готова была поклясться, что женщина держит в руке тонкую нитку жемчуга и перебирает бусины - раз, два, три.

Полуторка зашумела и тронулась, Зинаида Петровна отвернулась, прижала к груди узелок с вещами и зашептала искреннюю молитву, которую помнила с детства. Она не знала, что через двадцать лет её внучка найдёт в старом сундуке пожелтевшую фотографию усадьбы «Белый Мыс» и спросит: «Бабушка, а что это за дом?»

Она ответит: «Не знаю. Не помню». И это будет единственной ложью в её жизни.

21 июня 2024 года, пятница.

Карелия, побережье Ладожского озера. Усадьба «Белый Мыс».

Денис заглушил двигатель. Внедорожник тихо потрескивал, остывая, и этот звук был последним живым звуком, который он услышал в тот вечер. Дальше тишина взяла своё. Он вышел из машины. Под ногой чавкнуло, и Денис машинально посмотрел вниз - грязь, вода, прошлогодняя хвоя. Поднял воротник куртки. Воздух пах тиной и мокрым мхом, но под этим запахом пряталось что-то ещё - сладковатое, едва уловимое, словно воспоминание о духах, которые выветрились сто лет назад. Ландыш, или что-то очень похожее. Он вспомнил, как бабушка называла этот запах - «покойнический». И одёрнул себя: бабушка была суеверной.

Он включил камеру, записал вступительное слово - про объект, время, начало осмотра. Выключил, сунул камеру в карман. Всё, теперь можно быть просто человеком, а не ведущим.

Усадьба смотрела с холма - серая, тяжёлая, с ломаной линией крыши и пустыми глазницами окон. Денис двинулся к дому по остаткам гравия. Дорожка угадывалась под травой, и подошвы скользили по мокрым пятнистым камням. Он отметил, что дом стоит на холме - хорошее место, с которого видно озеро. Кто-то строил его с любовью, когда-то очень давно.

Парадная дверь висела на одной петле. Он коснулся дерева - холодное, влажное, шершавое, с облупившейся краской, под которой угадывался прежний цвет: тёмно-зелёный, почти чёрный. Дверь подалась с низким, утробным стоном, и этот стон отозвался где-то в глубине дома - не эхом, а будто что-то проснулось и прислушалось.

Запах сырой штукатурки и мышиного помёта ударил в нос, но под ним, как и снаружи, дрожал ландыш. Денис глубоко вдохнул, пытаясь понять, откуда он идёт. Но запах словно ускользнул и исчез.

Луч фонарика выхватил дыру в полу - провал, открывающий черноту подвала. Края тёмные, влажные, будто обугленные. От провала тянуло холодом, тем особым холодом, который бывает только под землёй: сырым, спёртым, с привкусом глины. Денис обошёл провал по краю, чувствуя, как половицы прогибаются под его весом. На секунду ему показалось, что внизу что-то шевельнулось - тень, которая была темнее остальной темноты. Он навёл фонарик. Ничего. Двинулся дальше.

Стены правого коридора покрывали остатки росписи: блёклые цветы, изогнутые стебли, переплетённые в узлы. Северный модерн любил такие мотивы, но здесь, в полумраке, они не радовали глаз, больше всего они напоминали щупальца. Денис провёл пальцем по одному из стеблей, и краска осыпалась серой пылью. И вдруг он заметил: в углу, у самого плинтуса, стебель был свежим - тёмно-зелёным, почти чёрным. Он коснулся его. Влажный. Денис отдернул руку и вытер пальцы о штанину. Сердце стучало где-то в горле.

- Кто-то подновил, - сказал он в камеру, но голос дрогнул. - Или... не знаю. Идём дальше.

Он пошёл быстрее, чем следовало. Гостиная нашлась в конце коридора - камин, забитый листвой, остов дивана, груда тряпья в углу. И посреди комнаты, на полу, лежал телефон. Денис присел, поднял. Смартфон, чёрный, экран разбит в паутину. Нажал кнопку - ничего. Перевернул: на задней крышке царапина в форме буквы V. Он сунул телефон в карман. Чужой телефон в чужом доме - это уже не просто страшно, это улика. Улика чего - он предпочёл не думать.

В комнате стало темнее. Не как при закате, медленно и плавно, а будто кто-то прикрыл ставни снаружи. Денис подошёл к окну и выглянул. Серое небо, сосны, вода вдалеке. Всё как прежде, просто света стало меньше. Воздух сгустился, он стал липким, влажным, чужим. Темнота больше не стояла по углам - она двинулась, потекла к нему, как загустевшая вода, и в этом течении прятался взгляд. Не один - множество, со всех сторон сразу. Денис попятился, врезался спиной в стену и замер. Инстинкты кричали о неправильности происходящего. Сердце колотилось так, что он слышал его в ушах. Он хотел сказать «это просто дом, старый дом, крысы, сквозняк» - но слова застряли. Потому что сквозняк не смотрит в затылок, крысы не дышат в темноте - медленно, влажно, с тяжелым присвистом.

Он резко развернулся и пошёл к лестнице, почти побежал. Ступени стонали - не скрипели, а именно стонали, низко и утробно, как больное животное. На двенадцатой ступени Денис остановился. Перила под рукой оказались тёплыми. Не нагретыми, а именно тёплыми - как кожа, как рука, которую только что отпустили. Он отдернул ладонь, снова коснулся. Холодные.

- Показалось, - выдохнул он.

Второй этаж был светлее. Из разбитого окна в конце коридора лился белёсый свет, и в этом свете кружились пылинки - медленно, сонно, как в старом фильме. Пахло ландышем, теперь уже сильно и отчётливо, с ярко выраженной гнильцой. Запах шёл от приоткрытой двери справа. Третья дверь.

Он толкнул её. Спальня. Кровать с провалившимся матрасом, трюмо с треснувшим зеркалом. И на стене, прямо напротив двери - портрет.

Денис замер. Холст был чистым, краски яркими, будто нанесёнными вчера. Золотая рама тускло поблёскивала. С портрета смотрела женщина: тёмные волосы, белое платье, нитка жемчуга на бледной шее. Лёгкая улыбка, не добрая, не злая, а знающая, так улыбается человек, который понимает то, чего ты ещё не понял, и не торопится объяснять. Глаза следили за ним. Денис шагнул влево - взгляд скользнул следом, вправо - то же самое. Он знал про эффект Моны Лизы, про угол зрения, про оптические иллюзии, но здесь было другое. Этот взгляд не просто двигался, он ощущался кожей, как прикосновение.

Он подошёл ближе, наклонился к подписи. «В. Штальберг. 1913». И ниже - тонкая бороздка, будто кто-то провёл пальцем по влажной краске от уголка губ вниз. След слезы. Денис протянул руку. Ему нужно было коснуться холста, не для кадра, для себя, чтобы понять, настоящий ли след. Пальцы замерли в сантиметре от краски, что-то останавливало его, даже не страх, а чувство, что прикосновение всё изменит, что после этого пути назад уже не будет. Он отдернул руку. И портрет изменился. Денис не заметил движения - просто моргнул, а когда открыл глаза, улыбка стала шире, голова наклонена иначе. Он попятился, и фонарик в его руке задрожал.

Свет начал гаснуть медленно, как затухает свеча, когда кончается воск. Фонарик мигнул и погас. Денис щёлкал кнопкой снова и снова – бесполезно, света не появилось. Темнота стала абсолютной, как под землёй, она касалась лица влажной прохладой, забиралась под одежду, дышала в затылок. И в этой темноте раздался звук - шёлковый шелест, будто кто-то провёл ладонью по платью.

Денис хотел закричать, но голос пропал. Он стоял, вцепившись в бесполезный фонарик, и смотрел в ту сторону, где должен был быть портрет. Там появилось белое пятно, сперва едва различимое, потом яснее. Женская фигура в светлом платье, та же улыбка, тот же знающий прищур. Она не двигалась, но Денис точно знал: мгновение назад её там не было. И вдруг её голова качнулась, будто прислушиваясь к чему-то внутри него: к стуку сердца, к дрожи в коленях, к мыслям, которые он сам от себя гнал. В затылок дохнуло холодом. Кто-то стоял сзади и дышал - медленно, влажно, с присвистом.

Денис бросился бежать. Он не запомнил лестницу, только бесконечное падение, когда ноги промахиваются мимо ступеней, а перила выскальзывают из мокрых ладоней. Не запомнил холл, лишь чёрный провал в полу, который он обогнул уже на одних инстинктах. Снаружи в лицо ударил белёсый, неживой свет. Денис бежал, спотыкался, падал, обдирая ладони о гравий, поднимался и снова бежал. Внедорожник вырос перед ним внезапно. Он рванул дверцу, рухнул на сиденье, захлопнул.

Руки ходили ходуном. Ключ выскальзывал из пальцев. Вдавил его с третьей попытки. Сухой щелчок реле - и ничего, тишина. Ещё раз. Двигатель молчал. Он ударил ладонью по рулю - раз, другой, до боли в костяшках.

- Давай! Ну же!

Машина не отзывалась. И тогда он поднял глаза. В окне на втором этаже горел свет - мягкий, жёлтый, живой. В проёме, опершись рукой о раму, стояла женщина в белом. Смотрела прямо на него и улыбалась. Денис схватился за камеру. Красный огонёк не горел. Телефон - чёрный мертвый экран. Он остался один в сумерках белой ночи под взглядом женщины, которой здесь просто не могло и не должно было быть.

А потом он услышал это... Звук, похожий на то, как осыпается земля с края свежей могилы: медленное, неотвратимое ш-ш-ш. Оно приближалось. Обернуться он не успел. Сначала пришло ощущение - не прикосновение, а присутствие. Волосы на затылке шевельнулись от чужого дыхания, густого, сладковатого, пахнущего ландышем и сырой землёй. А потом наступила тишина, глубокая, как обморок.

Четыре дня спустя. 25 июня, вторник.

Санкт-Петербург, издательство «Ершов и Ко».

Тишина в кабинете стояла густая, как в подвале заброшенного дома. Глеб откинулся в кресле и нажал «Play». Сначала был только чёрный экран. Затем камера дёрнулась, и он увидел серую, тяжёлую усадьбу, с ломаной линией крыши. Слышалось дыхание Дениса: частое, но ещё контролируемое.

- ...объект, время, начало осмотра... - заученной скороговоркой пробормотал голос за кадром. Затем щелчок, камера ушла в карман, и наступила тишина, нарушаемая только шагами по гравии.

Глеб знал, что будет дальше, но не мог заставить себя остановить запись. Он смотрел, как луч фонарика скользит по стенам, как Денис комментирует роспись, как находит телефон. А потом свет начал гаснуть плавно, медленно, словно кто-то выкручивал фитиль керосиновой лампы. Камера всё ещё снимала, но картинка становилась зернистой, неестественно чёрной.

- ...разрядился... — голос Дениса дрогнул. Слышно было, как он щёлкает кнопкой. - Давай, ну... Глеб, если ты это смотришь...

Он не договорил. В динамиках раздался многослойный шёпот, будто несколько голосов говорили одновременно, накладываясь друг на друга:

— ...ты можешь остаться... тебе не будет страшно... я ждала...

Денис задышал чаще. Камера дёрнулась, выхватив из темноты белое пятно - женскую фигуру в светлом платье. Она стояла неподвижно, лишь голова едва заметно качнулась, будто прислушиваясь.

- Кто вы? - голос Дениса сорвался.

Женщина в кадре улыбнулась. Глеб мог поклясться, что улыбка стала шире, хотя движения губ он не заметил, просто в один миг лицо изменилось, как меняется картинка в детской книжке, если повернуть страницу под определённым углом.

- Ты пришёл, - сказала она голосом, который был одновременно и ласковым, и каким-то... влажным, будто слова проходили сквозь воду. - Я знала, что ты придёшь. Я всех вас ждала. Очень - очень долго.

Камера задрожала. Денис пятился, спотыкался о невидимые в темноте обломки, и дыхание его становилось громче, отчаяннее, пока не перешло в сдавленный крик.

- Пожалуйста... - прошептал он. - Я просто...

- Ты просто хотел посмотреть дом, - перебила женщина, и в голосе её не было ни насмешки, ни угрозы - только усталость. - Все просто хотят посмотреть дом. А потом остаются.

Наступила пауза. Глеб услышал, как что-то хрустнуло - то ли ветка, то ли кость, - и голос Дениса, уже совсем тихий, едва различимый:

- Она не на портрете. Она здесь. Она всегда была здесь. И она... ждала. Не меня. Но ждала. И теперь...

Запись оборвалась, просто резкий щелчок, и тишина, как будто кто-то вырвал шнур из розетки. На чёрном экране застыла иконка канала «Мёртвые места» - череп с объективом камеры в глазнице.

Глеб закрыл ноутбук. Пальцы лежали на столе неподвижно, но внутри всё сжалось - медленно, туго, как гайка на старом крепеже. Он знал это чувство. Оно приходило не впервые, но каждый раз заставляло врасплох.

Усадьба «Белый Мыс». Он слышал это название не от Дениса. Прабабка упоминала его в своём дневнике - несколько страниц, исписанных неровным, скачущим почерком. Там были Штальберги, «Белый Мыс» и что-то ещё, зачёркнутое так яростно, что бумага прорвалась в нескольких местах.

Глеб помнил тот день. После смерти бабушки разбирали старый сундук в её квартире. Сундук был тяжёлый, обитый жёстью, с проржавевшим замком, который не открывался лет тридцать. Внутри, под ворохом пожелтевших фотографий и старых платков, лежал дневник. Тонкая тетрадь в клеёнчатой обложке, исписанная неровным почерком. Почерк был женский, с наклоном влево, с ятями и твёрдыми знаками, которые прабабка ставила по привычке, хотя они давно вышли из употребления.

Он сел прямо на пол, привалившись спиной к сундуку, и начал читать. Сначала из любопытства, потом из необходимости, потому что он не мог оторваться. Страницы сменяли друг друга, и перед ним разворачивалась история, в которую он не хотел верить. Госпиталь. Смерти. Белая ниточка на губах мёртвых, и женщина в окне, которая смотрит и перебирает жемчуг. Раз, два, три.

Он дочитал до последней страницы. Там была всего одна фраза, которую прабабка явно дописывала позже, другим, более слабым почерком: «Она всё ещё ждёт. И тех, кто приходит, не отпускает».

Глеб помнил, как перечитал её трижды. Как захлопнул тетрадь и долго сидел, глядя в стену. Как за окном шумел город, а он слышал только тишину - ту самую, ватную, которая бывает перед грозой. Он тогда подумал: «Это просто старый дневник. Просто выдуманные суеверия. Просто женщина, которая боялась того, чего не понимала».

Теперь он знал: она не боялась. Она помнила. И молчала, потому что хотела защитить других, потому что не хотела, чтобы из любопытства и неверия кто-нибудь поехал в усадьбу. Он поднялся, подошёл к окну. Белая ночь висела над городом - бледная, неестественная. В таком свете даже привычные очертания крыш домов напротив казались декорацией к чужому беспокойному сну. Глеб постоял так минуту, другую, привычным жестом разминая пальцы - старая привычка, оставшаяся с тех пор, как он работал в забое. Руки инженера, только теперь они держали не отбойный молоток, а рукописи и договоры.

Он думал о Денисе. О его последнем видео. О женщине в белом, которая стояла в окне и смотрела - не угрожая, не пугая, а словно приглашая, словно зная, что рано или поздно кто-то обязательно придет. И о прабабке, которая видела эту женщину своими глазами в сорок четвёртом и молчала о ней до конца жизни. Что она чувствовала, когда уезжала из госпиталя и видела женскую фигуру в окне? Что знала? Что скрывала?

Завтра нужно ехать в архив, а потом звонить команде.

Глава 1. Пять теней

1972 год, август.

Карелия, побережье Ладожского озера.

Игорь приехал в Карелию на электричке, с одним рюкзаком и стареньким «Зенитом» в потёртом кофре. Ему было двадцать четыре, он работал инженером на Кировском заводе, а в отпуске занимался тем, что его коллеги называли странным хобби: ездил по заброшенным усадьбам и фотографировал их. Он не просто делал снимки для альбома, а мечтал запечатлеть ускользающий северный модерн - архитектуру, исчезающую под напором времени и людского равнодушия.

След «Белого Мыса» отыскался на карте 1913 года - ветхой, подклеенной по сгибам пожелтевшим скотчем, из тех, что не реставрируют, а просто хранят в запасниках краеведческого музея. Архивариус, сухонькая старушка в очках, сказала, что это место лучше не трогать. Игорь из вежливости улыбнулся и поблагодарил за информацию, он не верил в дурные места и уж точно не отменил бы поездку из-за слов суеверного архивариуса.

Добравшись до станции и сверившись с картой, он направился в нужном направлении. Лес был тих, но той особенной августовской тишиной, когда птицы уже отпели, а осень ещё не заявила о себе первыми жёлтыми прядями. Солнце падало сквозь сосны длинными косыми лучами, и воздух пах смолой. Игорь чувствовал себя счастливым. Впереди ждала настоящая находка - усадьба, которую не снимал никто до него.

Дом выступил из-за деревьев сразу, без предупреждения: большой, серый, с ломаной линией крыши. Игорь замер на краю поляны, вытащил «Зенит» и стал снимать. Сначала сфотографировал общий план, потом окна второго этажа, затем крыльцо с облупившейся краской. Он наводил резкость, переводил кадр, и только после третьего снимка заметил, что в одном из окон, выходящем на озеро, горит свет, словно в комнате включили лампу.

Игорь медленно с осторожностью начал подходить к дому. Свет в окне больше не напоминал лампу - он дышал неровно, будто пламя колебалось от сквозняка, которого не было. Тёплый, медовый, он заливал край поляны и манил к себе обещанием уюта, но где-то под рёбрами у Игоря уже зашевелился холодок.

«Может, сторож, — подумал он, хотя сам себе не поверил. — Или туристы».

Он поднялся на крыльцо, доски под ногами отозвались глухо, словно под ними была пустота. Едва он занёс руку, чтобы постучать, дверь подалась сама - без скрипа, без усилия, будто её держали на весу и только и ждали, пока он коснётся дерева. Игорь замер с поднятым кулаком, сердце бухнуло где-то в горле.

Изнутри пахнуло ландышем. Запах был сладким, приторным, с едва уловимой гнильцой - так пахнут цветы, забытые в вазе, когда вода давно протухла. В августе ландыши не цветут, и от этого аромат казался не просто чужим, а издевательски неправильным. Игорь замер на пороге, чувствуя, как холодок стекает по позвоночнику к пояснице, горло словно сдавило ледяной ладонью. Инстинкт требовал отступить, захлопнуть дверь, сбежать с крыльца, затеряться в лесу, лишь бы подальше от этого запаха. Но любопытство, жадное и безрассудное, уже тянуло его за порог. Игорь одёрнул руку, которой только что коснулся двери, и с удивлением заметил, что пальцы дрожат. Он всё ещё мог уйти, но не ушёл.

Шагнув за порог, замер. Вместо плесени, обвалившейся штукатурки и мышинного помёта его встретила гостиная, чистая до стерильности. Каждая вещь стояла на своём месте: тёмный ковёр с вытертым рисунком, кресла с резными подлокотниками, часы на каминной полке. И огонь в камине. Он горел ровно и беззвучно, не потрескивал, не шипел - лишь отбрасывал тени, которые двигались чуть медленнее, чем им следовало, будто запаздывали за пламенем.

А в кресле у огня сидела женщина. Она не шевелилась. Белое платье струилось до пола, нитка жемчуга на тонкой шее тускло мерцала в свете камина. Лицо было обращено к двери, и когда Игорь встретился с ней взглядом, ему показалось, что она улыбнулась ему ещё до того, как он переступил порог.

— Добрый день, — сказала она, и голос её прозвучал как продолжение тишины.

Игорь вздрогнул и едва не выронил фотоаппарат.

— Простите, я не знал, что здесь живут. Я думал, дом заброшен. Я фотограф...

Она не дала ему договорить.

— Я знаю, кто вы, — перебила она и улыбнулась. Улыбка была приветливой, но что-то в ней заставило Игоря вспомнить старые дагерротипы: застывшая, не касающаяся глаз. — Вы пришли посмотреть на дом. Это хорошо. Я покажу вам его, если хотите.

Игорь кивнул. Он хотел. Но одновременно с желанием в груди росло чувство, какое бывает в кошмаре накануне пробуждения: ты ещё спишь, но уже знаешь, что случится беда. Он ждал «Зенит» так, что побелели костяшки, и сказал себе, что это просто эксцентричная хозяйка старой усадьбы, что всё объяснимо.

Она поднялась плавно, и он вдруг осознал, что не слышит её шагов. Половицы не скрипели, доски не отзывались под её босыми ступнями, она двигалась в абсолютной тишине, как изображение на экране. Запах ландыша усилился, стал почти удушающим, тишина сгустилась до звона в ушах. Игорь вдруг осознал, что за всё время, пока они говорили, он не слышал ни потрескивания дров, ни звука собственных шагов, только её голос и шорох жемчуга в её пальцах. Раз, два, три.

— Идёмте, — сказала она и двинулась к выходу из гостиной, и Игорь пошёл за ней, чувствуя, как липкий холодок продолжает стекать по позвоночнику к поясице. Он убеждал себя, что всё в порядке, но тишина за спиной клубилась, дышала в затылок и шептала: не в порядке. Всё совсем не в порядке.

Он прошёл за ней через анфиладу комнат, и она показывала ему то, чего он сам никогда бы не заметил: резьбу на перилах, старую фурнитуру на окнах, рисунок обоев, сохранившийся под слоем штукатурки. Она говорила о доме так, как говорят о живом существе. Игорь слушал и записывал. «Зенит» щёлкал без остановки — он отснял две плёнки и потянулся за третьей.

— Вы можете остаться, — сказала она, когда они вернулись в гостиную. — Уже поздно. В лесу темнеет быстро.

Игорь остался, они пили чай, и он рассказывал ей о Ленинграде, о заводе, о своём каталоге. Она внимательно слушала, не перебивая, и в её глазах он видел что-то, чего не видел ни у кого из своих знакомых. Не просто интерес - голод. Она слушала его так, как будто он был первым человеком, с которым она говорила за много лет.

Потом он сфотографировал её. Она стояла у окна, в своём белом платье, и смотрела на озеро. Он нажал спуск, и тут она мягко улыбнулась, почти ласково, но не ему. Её взгляд скользнул мимо объектива, туда, где в тёмном стекле окна дрожало его собственное отражение. Вернее, два отражения: его - и ещё чьё-то, смутное, стоящее плечом к плечу с ним. Игорь обернулся резко, едва не выронив камеру. За спиной было пусто, а когда он снова глянул в окно, второе отражение исчезло.

На следующее утро он не смог уйти. Не потому, что она его держала, просто мысль о возвращении в город казалась ему скучной, серой, ненужной. Здесь было хорошо, тихо, спокойно. Он остался ещё на день, потом ещё на один, потом ещё.

На четвёртый день он спустился в подвал. Камень лежал там - гладкий, чёрный, с алыми прожилками. Игорь не помнил, как оказался перед ним. Просто в какой-то момент его ноги сами понесли его вниз, в темноту, где не было слышно ни голоса женщины, ни шума дождя за окном. Он положил ладонь на камень - и камень задышал.

Вера нашла его к вечеру. Он лежал на полу, и белая слизь уже запеклась у него на губах. Она села рядом, перебирая жемчуг. Раз, два, три. Слёзы текли по её щекам, но она уже не вытирала их. За пятьдесят восемь лет одиночества она привыкла и к этому.

Через три дня тело исчезло. Камень втянул его. А на плёнке, которую через много лет найдут в заброшенном доме, остался кадр - женщина в белом у окна. Единственное доказательство того, что Игорь здесь был. Единственное, что от него осталось.

26 июня 2024 года, среда. Утро и вечер.

Санкт-Петербург, издательство «Ершов и Ко».

Утро у Глеба выдалось скомканным. После бессонной ночи, проведённой за просмотром видео Дениса, он пытался работать - разбирал рукописи, отвечал на письма, пил кофе, но мысли постоянно возвращались к усадьбе. К белому платью, к улыбке на портрете, к шёпоту в темноте, к тому, что он услышал в самом конце записи. К полудню он понял, что просто сидеть и ждать вечера невыносимо. Нужно было чем-то занять руки и голову, и он поехал в архив.

Архив находился на Васильевском, в старом здании с облупившимся фасадом и вечно скрипучей дверью. Глеб поднялся по лестнице и толкнул тяжёлую створку читального зала. Пахло пылью и старой бумагой - запах, знакомый с детства, когда он часами рылся в книгах, оставшихся от деда. В зале было пусто, если не считать одинокой фигуры за дальним столом у окна.

Женщина сидела спиной к нему, низко склонившись над разложенными подшивками. Короткие волосы торчали в стороны - то ли от влажности, то ли от привычки ерошить их, когда думаешь. Глеб узнал этот силуэт, эту манеру сидеть, подперев голову одной рукой, а другой быстро, почти не глядя, делать пометки в блокноте. Ульяна. Он не видел её с прошлого выезда, но она совершенно не изменилась.

Он подошёл ближе, стараясь не топтать, но половицы предательски скрипнули. Ульяна подняла голову и, увидев его, не удивилась - только отложила карандаш и чуть прищурилась.

— Ершов, — произнесла она, и в голосе мелькнуло что-то среднее между «ну наконец-то» и «я так и знала».

— Давно ты здесь? — спросил он, присаживаясь напротив.

— С восьми утра. — Она подвинула к нему тонкую папку. — Полицейские рапорты за 1914-й. Пропажа людей. И список умерших в госпитале сорок четвёртого года. Девять человек за один день. Все шли на поправку.

Глеб пролистал страницы, задержался на последней. Почерк писаря, выцветшие чернила. Имена, даты, сухие формулировки. Он поднял глаза и встретился с её прямым, оценивающим взглядом.

— Ты веришь в совпадения? — спросил он.

— В такие — нет. — Ульяна постучала карандашом по столу. — Твой блогер, Денис Комаров, пропал именно там, верно? Я видела заметку в новостях. А раз ты здесь и смотришь эти документы, значит, уже решил ехать. Я права?

Глеб усмехнулся.

— Почти.

— Я еду с вами.

— Я и не сомневался.

Она захлопнула блокнот и поднялась.

— Тогда до вечера. У меня ещё статья горит, а ты пока обзванивай своих. И не забудь про того, который с термосом.

— Ивара?

— Его. Пусть берёт чай нормальный. Мяту я с ним пить не буду.

Она ушла, оставив после себя запах кофе и бумажной пыли. Глеб посмотрел на папку, потом на часы. До вечера оставалось несколько часов, нужно было звонить остальным.

В издательство он вернулся, когда город уже начал гудеть вечерними пробками. В кабинете было тихо, на столе ровной стопкой лежали неразобранные с утра рукописи. Он снял куртку, повесил её на спинку стула, вымыл оставшуюся с утра кружку и только потом сел к телефону. Папка, которую передала Ульяна, лежала перед ним. Глеб открыл её ещё раз, пролистал копии рапортов, задержался на списке умерших. Девять фамилий. Девять человек, которые шли на поправку и не дожили до утра. Закрыв папку, потянулся за телефоном.

Первым набрал Ивара.

— Ивар? Нужно сегодня встретиться. Приезжай ко мне в издательство.

На том конце помолчали — ровно секунду, не больше.

— Понял. Буду через час.

Гудки оборвались, Глеб невольно хмыкнул. Ивар умудрялся быть самым немногословным человеком из всех, кого он знал, но при этом единственным, с кем не требовалось договаривать.

Следующий номер. Евгения. Она ответила после третьего гудка, и по голосу было слышно, что отвлекли её от чего-то важного — или, наоборот, от чего-то, чему она была рада не заниматься.

— Глеб? Что-то случилось?

— Собираемся у меня через час, новое дело.

— Интересное?

— Скорее, тревожное.

— Тревожное — это интересно. Буду.

Ульяне отправил короткое сообщение: «В семь у меня. Не опаздывай». Через минуту пришёл ответ: «Буду. Закажи пиццу».

Остался Артём. Этот номер Глеб набирал с лёгкой заминкой, потому что каждый разговор с Русановым требовал особого подхода. Артём не любил телефоны, не любил город, не любил, когда его отрывали от леса. Гудки шли долго, Глеб уже решил, что сбросит и напишет сообщение, когда на том конце что-то щёлкнуло, и низкий, с хрипотцой голос произнёс:

— Да.

— Артём, привет. Нужна твоя помощь. Дело касается одного места в Карелии, усадьба «Белый Мыс». Слышал о таком?

Пауза. На этот раз дольше, чем у Ивара. Глеб услышал, как на том конце потрескивает что-то - то ли костёр, то ли помехи.

— Слышал, — наконец сказал Артём, и в его голосе появилось что-то, чего Глеб раньше не замечал. Не страх - скорее, старая, застарелая боль. — Это дурное место.

— Знаю. Именно поэтому я тебе и звоню. Сможешь приехать в Питер сегодня? Завтра с утра выдвигаемся.

Снова пауза, потом короткий выдох - не то вздох, не то согласие.

— Буду к ночи.

И гудки. Глеб отложил телефон и потёр виски. Команда собиралась, пять человек, каждый со своим прошлым, со своими демонами. Он знал, что поступает правильно, знал, что один бы не справился. Но где-то глубоко, под слоем уверенности, шевелилось знакомое, липкое чувство. Он снова подвергает людей опасности, тех, кто ему доверяет, тех, кто может не вернуться. Как тогда. Он тряхнул головой, отгоняя мысль, не сейчас.

Первой пришла Ульяна. Она появилась в дверях издательства ровно через сорок минут после сообщения. Растрёпанная, в джинсах и лёгкой куртке, короткие волосы торчали в разные стороны, будто она сушила их на бегу. Под глазами не была ни грамма косметики, только усталость и цепкий, оценивающий взгляд.

— Я перечитала выписки из архива. Девять смертей в госпитале за один день — это не просто совпадение. Ты уже смотрел видео блогера, которое выложилось автоматически?

Глеб кивнул.

— Денис Комаров. Пропал четыре дня назад.

— Живой?

— Не знаю. Но на записи он явно кого-то увидел. И этот кто-то... похож на женщину с портрета. Веру Штальберг.

Ульяна нахмурилась и что-то черкнула в блокноте.

— Кого ещё позвал?

— Ивара, Евгению, Артёма. Всех, кто был в прошлых выездах.

— Хорошо. — Она захлопнула блокнот. — Тогда ждём остальных.

В прихожей звякнул колокольчик — кто-то вошёл в издательство. Глеб поднялся, выглянул в коридор. Это был Ивар. Он вошёл без стука — высокий, подтянутый, в старой серой ветровке с выцветшим логотипом «Метростроя». Ему было слегка за сорок, но держался он прямо, без сутулости, а в тёмных волосах, зачёсанных назад, серебрилась ранняя седина — ровно столько, чтобы выглядеть солидно, а не старо. Лицо узкое, с чёткой линией челюсти и тонким носом. Глаза светлые, серо-голубые, смотрели внимательно, но без цепкости — так смотрят люди, привыкшие работать с чертежами: долго, спокойно, замечая детали. Женщины на него оборачивались. Не потому, что он был красив классической красотой, а из-за ощущения спокойной силы, которое от него исходило. Как от человека, который не суетится и знает, что делает.

— Не заперто, — сказал он вместо приветствия. Голос низкий, ровный.

— Проходи.

Ивар сел, поставил на колени старый рюкзак, из которого торчал угол планшета в защитном чехле. Расстегнул молнию, достал термос, свинтил крышку. Пахнуло мятой. Сделал глоток, поморщился — остыл, — но пить продолжил.

Глеб кратко пересказал историю Дениса, усадьбу «Белый Мыс», видео. Ивар слушал, не перебивая, только один раз дёрнул щекой, когда Глеб упомянул подвал с проломом.

— Подвал, — повторил он задумчиво. — Всегда подвал. Почему они всегда лезут вниз?

— Потому что там интересно.

— Потому что там темно и страшно, а люди думают, что в темноте прячется правда. — Ивар взял со стола карандаш, повертел. — В тоннелях так же. Чем глубже, тем больше легенд. Хотя на самом деле там просто грунтовые воды и бетон.

Глеб знал, что за этими словами стоит нечто большее. Ивар никогда не рассказывал подробностей, но однажды, обронил: «Я перестал чувствовать, где верх. Не в переносном смысле. Идёшь по тоннелю, а вестибулярка орёт, что ты вниз головой. А на самом деле ровно. И там, внизу, я увидел то, что не могу объяснить до сих пор».

С тех пор он не пил и не ездил в метро. Ивар никогда не рассказывал подробностей — не из скрытности, а потому что слова для этого требовались другие, не те, что он привык использовать. Инженерный язык годился для чертежей, допусков, расчёта нагрузок. Для описания того, что случилось в тоннеле, он не годился.

Но в тот вечер, в полумраке издательства, под шум дождя за окном, он вдруг заговорил.

— Это было на Кольцевой, — начал он, и пальцы, державшие термос, побелели. — Недостроенный участок, консервация. Мы спустились впатером: я, двое рабочих, техник и геодезист.

Он помнил запах. Мокрый бетон и металлическая пыль — эта смесь въедалась в одежду, в волосы, в кожу, и потом ещё сутки после смены ты чувствовал её на языке. Помнил, как капала вода где-то в глубине, и каждый удар разносился эхом на сотни метров. Помнил, как под подошвами хрустела мелкая, острая бетонная крошка, как битое стекло. И тишину. В тоннеле всегда было тихо, но в тот день тишина ощущалась иначе — плотнее, тяжелее. Будто на уши положили мокрую вату.

— Первым заметил Кравченко. Он шёл впереди и вдруг остановился. Просто встал как вкопанный. Я чуть не врезался в него. «Ты чего?» — спрашиваю. А он молчит. И смотрит в конец тоннеля.

Ивар попытался заглянуть ему в лицо, но Кравченко не оборачивался. Он стоял и смотрел. Потом сказал — тихо, почти шёпотом, как будто боялся, что его услышит кто-то кроме них:

— Там женщина. В конце тоннеля. Видишь?

Ивар посмотрел. В конце тоннеля не было ничего, кроме темноты. Но вглядевшись, он заметил, что темнота там была другой. Она колыхалась. Не как дым, не как пар, а как поверхность воды, если бросить в неё камень. Медленно, лениво, но непрерывно.

— Это сквозняк, — сказал он вслух. — Или глаз устал.

Но фонарь в его руке стал светить тусклее. Ивар помнил это отчётливо, потому что проверил аккумулятор. Тот был заряжен на восемь часов, а они проработали от силы полтора. Свет не мерцал, не мигал — он именно слабел, будто темнота вокруг была не отсутствием света, а отдельной субстанцией, которая этот свет поглощала.

— Приборы у геодезиста поехали, — продолжил Ивар. — Компас крутился, как бешеный, уровень показывал то минус пять градусов, то плюс семь. В абсолютно ровном тоннеле. Рация шипела, сплошной белый шум, словно мы попали в эпицентр магнитной бури. Я тогда подумал: наведённые токи, грунтовые воды, старая проводка где-то замыкает. Сейчас уже так не думаю.

Кравченко пошёл вперёд. Не оборачиваясь, не отвечая на окрики. Шёл ровно, спокойно, как человек, который точно знает, куда идёт. Фонарь в его руке горел нормально — единственный нормальный свет в этом тоннеле.

— Я схватил его за плечо, — Ивар сжал термос обеими руками. — Развернул к себе. И знаешь, что я увидел? Он смотрел не на меня. Он смотрел сквозь меня. Как будто я был стеклом. Как будто меня там не было. И он сказал: «Она зовёт. Ты разве не слышишь?»

Ивар не слышал ничего, кроме собственного пульса в ушах. Он отпустил Кравченко. Тот развернулся и пошёл дальше. Ивар стоял и смотрел, как луч его фонаря удаляется всё дальше, дальше, пока не превратился в крошечную точку. А потом в тоннеле появилось белое пятно. Оно колыхалось в такт дыханию — не Ивара, а чьему-то ещё. И оттуда потянуло холодом, ледяным, мёртвым холодом, какой бывает только глубоко под землёй.

— Я хотел пойти за ним, — сказал Ивар почти шёпотом. — Честное слово, хотел. Но ноги не шли, будто приросли к бетону. А потом пятно погасло, и тоннель снова стал просто тоннелем, только Кравченко в нём уже не было.

Они искали его три дня. Прочесали каждый метр, разобрали завалы, проверили все ответвления. Ничего. Ни следов, ни вещей, ни звука, словно Кравченко просто шагнул в темноту и растворился в ней.

— Я потом спускался туда ещё три раза. Один. Думал, что смогу понять. Думал, что если увижу это пятно снова, то хватит духу подойти ближе. Но каждый раз оно просто ждало в конце тоннеля, колыхалось и холодило воздух. И каждый раз я останавливался на одном и том же месте, как будто в бетоне была прочерчена невидимая черта. А однажды понял: я не могу идти вперёд не потому, что боюсь. А потому что, если сделаю ещё шаг — назад уже не вернусь. Не в том смысле, что умру, в другом.

С тех пор он перестал чувствовать направление, вестибулярный аппарат словно сбился с калибровки. Он мог идти по прямой, глядя на компас, но внутреннее ощущение кричало, что он перевернут вниз головой. Врачи разводили руками: «Органических нарушений нет, вы здоровы». Но он знал: где-то глубоко в мозгу остался тоннель, и белое пятно в его конце, и чувство, что тебя позвали, а ты не откликнулся. Он замолчал. Термос с мятным чаем стыл в его руках. За окнами издательства шумел дождь, и звук был живым, настоящим, не то, что та ватная тишина в тоннеле.

— Никаких подвалов без плана, — сказал Ивар уже своим обычным, ровным голосом. — Я знаю, что такое темнота, которая не отпускает.

Глеб кивнул. Он знал тоже, каждый из них знал.

— Поедешь? — спросил Глеб прямо.

Ивар отложил карандаш, посмотрел в окно. За стеклом плыл серый, размытый свет — ни день, ни ночь.

— Поеду. Но с условием. Никаких самостоятельных спусков в подвалы. Я черчу схему помещений, и только потом лезем. Понял?

Глеб кивнул. Ивар снова взял термос, сделал глоток. Потом посмотрел на Ульяну — впервые за всё время, прямо, оценивающе.

— В таких местах полы гнилые. Смотрите под ноги.

Ульяна встретила его взгляд и не отвела.

— Я журналист, а не балерина. Умею смотреть, куда ступаю.

— Вот и хорошо.

Он отвернулся к окну. Ульяна переглянулась с Глебом и едва заметно пожала плечами: что с него взять.

В прихожей снова звякнул колокольчик. Вошла Евгения — мокрая, злая, с промокшим пакетом из аптеки.

— Дождь зарядил, — бросила она с порога. — У вас тут сухо хоть?

Ивар молча подвинул ей свой термос. Она взяла, отхлебнула, скривилась.

— Мята. Ненавижу мяту.

— А что любишь?

— Чай с бергамотом. Но где его взять в этой дыре.

— В магазине за углом, — сказал Ивар. — Я видел, когда шёл.

Евгения замерла с термосом в руке, разглядывая его.

— Ты что, запоминаешь ассортимент магазинов, мимо которых проходишь?

— Это полезно. Никогда не знаешь, что пригодится.

— У тебя лицо как у человека, который знает, где выход, но не скажет.

— Я инженер, мы все такие.

Ульяна фыркнула, а потом вспомнила:

— Кстати, о полезном. Глеб, ты пиццу заказал?

— Будет через полчаса, — отозвался тот.

— Только пусть будет «Маргарита», — добавила она. — Чем проще, тем вкуснее.

— Мне всё равно, — пожал плечами Ивар. — Я ем всё, что не ядовито.

Евгения фыркнула:

— Бергс, ты вообще пробовал когда-нибудь пиццу с грушей и горгонзолой?

— Нет, и не планирую. Груша должна быть десертом, а не лежать на тесте.

— Ты просто не умеешь жить, — вздохнула она.

Глеб усмехнулся, обычный вечер, обычные люди. Только завтра они едут в место, откуда могут не вернуться.

Артём появился ближе к полуночи. Он вошёл без стука, просто возник в дверном проёме — высокий, широкоплечий, в камуфляжной куртке и тяжёлых ботинках. На вид около тридцати, но глаза старше, много старше. Словно он видел такое, что обычно не показывают. От него пахло лесом, дымом и чем-то ещё — сырой землёй, что ли. Словно он принёс с собой частицу тех мест, откуда приехал.

Глеб поднялся ему навстречу.

— Спасибо, что приехал.

Артём скупно кивнул. Его глаза, светлые и немного диковатые, обвели собравшихся. Ульяна, Ивар, Евгения — он знал их всех, работал с ними раньше, но близко не сошёлся ни с кем. Артём вообще мало с кем сходилась близко.

— Садись, — Глеб кивнул на свободный стул. — Мы уже начали, но я введу тебя в курс.

Артём молча сел, привалившись спиной к стене, и приготовился слушать.

— В двух словах, — продолжил Глеб, — четыре дня назад в усадьбу «Белый Мыс» в Карелии отправился блогер Денис Комаров. Снимал заброшенные места. Не вернулся. Его канал автоматически выложил последнее видео, вот его мы сейчас и смотрели.

Он развернул ноутбук экраном к Артёму и снова включил запись. На экране возникла серая, тяжёлая, молчаливая усадьба. Камера дрожала. Голос Дениса, сперва спокойный, потом — сбивчивый, испуганный. Темнота. Шёпот.

«Она не на портрете. Она здесь. Она всегда была здесь...»

Звук закрывающейся двери. Тишина.

Глеб закрыл ноутбук.

— Впечатляет, — сказал Артём после паузы. В его голосе не было насмешки.

— Мы как раз обсуждали, что это может быть, — вставила Ульяна. — Призрак, аномалия, массовая галлюцинация — версии расходятся.

— «Белый Мыс», — произнёс Артём медленно, будто пробуя слова на вкус. — Я знаю это место. Местные обходят его стороной. Говорят, там пропадают люди. И те, кто возвращается... — он запнулся, подбирая слово. — Они уже не те.

Глеб почувствовал, как напряглись плечи. Он вспомнил глаза Дениса на старых записях — открытые, живые, азартные. И его же глаза на последнем видео — за секунду до темноты. В них уже тогда было что-то чужое.

— Мы выезжаем завтра утром, — сказал он, закрывая тему. — Вопросы есть?

Ульяна подняла руку, как в школе.

— Только один. Ты сказал, что это касается тебя лично. Что ты имел в виду?

Глеб замер. Он надеялся, что она забыла эту фразу. Не забыла, конечно, не забыла.

Он посмотрел на неё — прямо, не отводя глаз.

— Моя прабабка служила в этом доме. Сначала горничной, ещё при Вере Штальберг. А потом, в сорок четвёртом, она вернулась сюда — уже санитаркой, когда в усадьбе развернули госпиталь. Я нашёл её дневник, и там... В общем, я должен это увидеть сам. Это всё.

Ульяна прищурилась, она явно почувствовала, что он недоговаривает. Но, к его облегчению, не стала настаивать, только кивнула и что-то черкнула в блокноте.

Ивар отлепился от окна.

— Тогда я займусь снаряжением. Связь, камеры, датчики движения. В таких местах лучше быть готовым ко всему.

Евгения поднялась с дивана.

— Я с тобой. Хочу посмотреть, что ты там набрал. Если опять аптечку из ближайшей аптеки — я остаюсь в городе.

Ивар бросил на неё короткий взгляд.

— Аптечка у тебя. Я собираю железо.

— Вот и проверим твоё железо. — Она подхватила сумку. — Заодно скажу, где у тебя провода перетрутся через день.

Ивар помедлил ровно секунду, потом посторонился, пропуская её к двери. Вышел следом — всё такой же бесшумный. Глеб заметил, что он не стал спорить. Для Ивара это было равносильно признанию: «да, твоё мнение имеет значение».

Артём собрался уходить сразу после Ивара и Евгении.

— До утра.

И вышел в ночь — так же бесшумно, как появился.

Ульяна задержалась у стола, перебирая страницы блокнота. Глеб стоял у окна, разглядывая серую морось за стеклом.

— Слушай, — сказала она, не поднимая головы, — ты когда в последний раз спал нормально?

— А что?

— Да так. Вид у тебя не очень.

Он повернулся. Она смотрела на него в упор, прищурившись.

— Я в порядке, — сказал он.

— Ну да, конечно. — Она захлопнула блокнот, засунула его в сумку и направилась к двери. Уже взялась за ручку, но обернулась. — До завтра. И постарайся выспаться.

— Постараюсь.

Она ещё секунду помедлила, будто хотела что-то добавить, но не стала. Дверь закрылась. Глеб остался один в опустевшем кабинете. Завтра они отправятся в Карелию, завтра начнётся то, чего он боялся и ждал одновременно. Он посмотрел в окно, белая ночь за стеклом смотрела на него пустыми, бессонными глазами. Где-то там, за сотни километров отсюда, стояла усадьба. Ждала. И женщина на портрете — тоже.

Глеб задержался в кабинете, не потому что нужно было что-то доделать — он всё доделал ещё до встречи, разложил бумаги по папкам, расставил ручки в стакане ровными рядами, — просто дом его ждал пустой и тихий, а здесь ещё пахло кофе, который варила Ульяна, и мятным чаем из термоса Ивара. Чужие запахи создавали иллюзию, что он не один. Иллюзия была приятной, хоть он и понимал, что это ненадолго. Он выключил настольную лампу и уже собирался уходить, когда заметил на краю стола её ручку. Обычную, синюю, с обгрызенным колпачком. Ульяна вечно забывала такие мелочи — то шапку, то блокнот, то перчатки, — а потом злилась на себя и говорила, что когда-нибудь потеряет голову. Глеб повертел её в пальцах, сунул в карман и вышел.

На улице моросил дождь. Он поднял воротник и быстрым шагом направился к машине, перепрыгивая лужи по привычке, выработанной годами полевых выходов: в геологии мокрые ноги — это не просто дискомфорт, это проблема на весь день. Привычка осталась, хотя проблемы давно сменились. Теперь мокрые ноги означали всего лишь мокрые ноги.

До дома он добрался за пятнадцать минут. Поднялся в квартиру, снял ботинки, поставил их ровно у порога. В прихожей горел тусклый ночник — он всегда оставлял его, чтобы не возвращаться в полную темноту. Прошёл на кухню, включил чайник и открыл холодильник. Яйца, масло, полбанки маринованных огурцов. Он закрыл дверцу, решив, что не голоден. Просто привычка: зашёл на кухню — проверь холодильник.

Пока чайник закипал, он прошёл в комнату и достал из шкафа рюкзак. Старый, с вытертой лямкой — он купил его перед первой экспедицией на Кольский, и с тех пор рюкзак прошёл с ним все выезды. Глеб не был суеверен, но вещи, которые не подводили, менять не любил. Он расстегнул молнию и начал собираться. Фонарик с запасными батарейками. Тёплый свитер. Смена белья. Запасные носки. Ничего лишнего.

В шкафу, на верхней полке, лежал старый геологический молоток — он не доставал его уже пять лет, но и выбросить не мог. Просто знал, что он там есть. Как и коробка с фотографиями, которую он не открывал с тех самых пор. Глеб закрыл дверцу шкафа и вернулся на кухню. Чайник закипел. Он заварил чай, сел за стол и достал из кармана ручку Ульяны. Положил перед собой и долго на неё смотрел. Синяя, самая обычная. Такие продаются в любом канцелярском. И всё-таки он знал, что завтра отдаст её лично в руки. Не потому, что она была нужна — у Ульяны наверняка есть ещё десяток таких же, — а потому что это был повод подойти и сказать что-нибудь. Что именно — он не придумал. Может, просто «ты забыла».

Он допил чай, вымыл кружку и поставил её на сушилку. Проверил замок на входной двери. Потом проверил ещё раз — старая привычка, от которой он не собирался избавляться. Выключил свет и, раздеваясь уже в спальне, привычно сложил джинсы на стуле. Лёг под одеяло, закрыл глаза. За окном шумел дождь, и в его ровном шорохе Глебу слышался какой-то ритм — не музыка, не слова, а просто повторяющийся звук, как будто кто-то перебирал бусины. Раз, два, три. Он стал считать вместе с дождём. На четвёртой секунде сбился и провалился в сон.

Выйдя из издательства, Ивар поднял воротник ветровки и молча двинулся к внедорожнику, припаркованному у тротуара. Евгения шла следом, перебирая в уме список того, что нужно проверить в аптечке. Обезболивающее, антигистаминное, гемостатик, бинты. Она всегда проверяла аптечку перед выездом — это успокаивало.

Ивар открыл багажник. Внутри, в пластиковых контейнерах, лежало оборудование — датчики, камеры, провода, переходники. Он начал перебирать коробки, что-то тихо считая про себя. Евгения встала рядом и заглянула через его плечо.

— Это всё, что ты берёшь?

— Да.

— А если откажет?

— У меня есть запасное.

— А если откажет запасное?

Он выпрямился и посмотрел на неё. В сумерках его лицо казалось ещё более замкнутым, чем обычно.

— Тогда будем думать на месте.

— Отличный план, Бергс.

Он не ответил. Достал из кофра тепловизор, проверил заряд, убрал обратно. Евгения смотрела, как он работает — быстро, точно, без лишних движений. Инженер. Она таких знала: говорят мало, делают много, эмоции прячут за цифрами.

— Ты всегда такой? — спросила она.

— Какой?

— Молчаливый.

— Когда не о чем говорить — да.

— А когда есть о чём?

Он помедлил. Захлопнул багажник.

— Тогда я говорю. Просто со мной редко бывает «о чём».

Она хмыкнула, он не спросил, что это значит. Они стояли у машины под дождём, и тишина между ними была не неловкой, а скорее рабочей, как между коллегами в ночную смену. Евгения оглядела его — прямую спину, привычку не оборачиваться, спокойные руки. В её практике такие люди встречались редко, чаще попадались те, кто много говорит и мало делает. Этот был из другой породы.

— Я слышала, ты работал в Метрострое, — сказала она.

— Да.

— И что там случилось?

Он посмотрел на неё. Долго. Потом ответил:

— Несчастный случай.

— И ты уволился.

— Да.

— Из-за несчастного случая?

— Из-за того, что не смог его предотвратить.

Она встретила его взгляд, он не отвёл глаза. И она не стала спрашивать дальше — закрытые двери она умела распознавать, у самой такие были.

— Ладно, — сказала она. — Пойду проверю аптечку.

— Проверь.

Она отошла на шаг и вдруг обернулась.

— Бергс.

— Что?

— Ты странный. Но это не комплимент и не оскорбление. Просто констатация.

Он помолчал.

— Я знаю.

Дождь шуршал по крыше машины. Оба думали об одном и том же — каждый по-своему.

- Тебя подвезти?

-Нет, спасибо, на метро будет быстрее, а то у меня еще консультация с клиенткой назначена, не хочу опоздать. Ладно, до завтра.

- До встречи.

Евгения хмыкнула и, не оборачиваясь, направилась к метро. Ивар ещё с минуту стоял у машины, прислушиваясь к звукам гаснущего дня. Где-то хлопнула дверь, проехал автобус, а потом остался только шум дождя. Он сел за руль и поехал домой.

Евгения закрыла ноутбук и несколько секунд сидела неподвижно, глядя в тёмный экран. Последняя пациентка — молодая женщина с мигренями и запущенной бессонницей — говорила сорок минут, и под конец Евгения чувствовала себя не врачом, а исповедником. Такие консультации выматывали больше, чем острые случаи. Там была ясность: диагноз, протокол, лечение. Здесь — бесконечное «а если», «а может», «а я читала в интернете». Она отвечала терпеливо, не перебивала, но после того как связь отключилась, выдохнула с облегчением и потёрла виски.

Квартира встретила её тишиной. Евгения встала из-за стола, размяла затёкшую шею и прошла на кухню. Из крана капнула вода: она забыла затянуть вентиль после мытья посуды. Закрутила, вытерла руки полотенцем. Есть не хотелось, она слишком устала для этого. Вместо ужина заварила себе чай с бергамотом, запах цитруса немного взбодрил, но не настолько, чтобы хотелось продолжать бодрствовать.

В спальне она достала из шкафа старую походную сумку, с потёртой молнией, которую когда-то купила перед первой экспедицией. С тех пор прошло много лет и много выездов. Сумка выглядела потрёпанной, но держала крепко — как и всё, чем Евгения пользовалась. Она не любила менять вещи. Вещи были предсказуемы, в отличие от людей. Она начала собираться. Две футболки, смена белья, тёплые носки, дождевик, запасные очки в жёстком футляре. Маленький фонарик на батарейках — привычка, оставшаяся с полевых выездов, где свет отключался чаще, чем хотелось бы. Зарядное устройство, внешний аккумулятор. Лекарства, которых не хватало в аптечке Ивара: от давления, от аллергии, снотворное. Она пересчитала таблетки — четыре. Много. Она и так засыпала быстро, сказывалась привычка, но иногда — редко, может, раз в полгода — случались ночи, когда никакая усталость не помогала. Тогда

она пила полтаблетки и проваливалась в темноту без снов. Сейчас такая ночь не планировалась, но кто знает, что будет завтра.

Когда телефон пискнул и на экране высветилось сообщение от Ивара — «Выезжаем в пять», — она поймала себя на том, что уголки губ дрогнули. Она не ответила. Просто поставила будильник на четыре утра и пошла в душ.

Горячая вода смыла остатки усталости, но не мысли. Евгения стояла под струями дольше обычного, чувствуя, как напряжение уходит из плеч и спины. Она думала о предстоящей поездке: не о том, что они увидят в усадьбе, а о том, с кем поедут. Ивар. Ульяна. Артём. Глеб — с его вечно сжатыми челюстями и привычкой молчать о главном. Она знала их всех не первый год, но только сейчас, стоя под душем, вдруг осознала: за эти годы они ни разу не говорили о прошлом. Ни о чём. Как будто заключили молчаливый пакт: работаем вместе, а в душу не лезем. Может, поэтому они до сих пор и работали вместе. А может, поэтому ни с кем из них она так и не стала по-настоящему близка.

Выключив воду, она натянула старую футболку с логотипом НИИ — ту самую, которую не носила уже пять лет, но так и не выбросила, — и легла, не выключая ночник. Спать не хотелось, но она знала, что завтра будет долгий день. И лучше встретить его с ясной головой. За окном прошуршали шины — припозднившаяся машина. Обычные звуки. Живые. Она закрыла глаза и вдруг поняла, что улыбается. Не от счастья, а от облегчения. Завтра они едут в Карелию. И плевать, что там, в этой усадьбе, главное, что они снова вместе. А всё остальное можно пережить.

Ульяна вернулась домой, когда на настенных часах в прихожей стрелки уже сошлись на двенадцати. Сначала заезжала в редакцию, чтобы сдать материал, который шеф требовал ещё в понедельник. Шеф, как всегда, поморщился, пробежал глазами по первым абзацам и буркнул: «Пойдёт». На его языке это означало «хорошо». Ульяна знала этот язык и не обижалась.

Потом полчаса ждала автобус под морозящим дождём, и куртка промокла насквозь, несмотря на капюшон. В автобусе пахло мокрой одеждой и табаком, какой-то парень в наушниках слушал музыку так громко, что она слышала басы через весь салон. Она села у окна, прижалась виском к холодному стеклу и смотрела, как проплывают мимо мокрые огни витрин. Думала не о себе — о Глебе. О том, как он замолчал на полуслове, когда говорил о прабабке. И о том, как сжал челюсти, когда она спросила: «Ты точно в порядке?» Он не говорил лишнего, но она видела: он нервничает. И от этого ей самой становилось не по себе. Не потому, что она боялась, — просто если уж Глеб в напряжении, то дело действительно серьёзное.

Дома Ульяна первым делом стянула мокрую куртку и швырнула на стул. В автобусе напротив сидел какой-то мужик, от которого за версту несло табаком, и теперь этот запах вьёлся в рукава. Она стащила свитер, бросила туда же и прошла на кухню в одной футболке.

Чайник зашумел. Ульяна открыла холодильник — йогурты, яйца, половинка засохшего лимона, — но есть не хотелось. Просто стояла у окна и смотрела, как капли бегут по стеклу наперегонки, выбирая самую медленную и мысленно подгоняя её, та проиграла, всегда проигрывала. Сколько Ульяна себя помнила, медленные капли никогда не приходили первыми.

Она заварила чай, бросила в кружку лимон — тот самый, засохший, отрезав гнилой бок, — и вдруг заметила на ковре в коридоре свой блокнот. Наверное, выпал из сумки, пока она возилась с ключами. Ульяна подобрала его и пролистала несколько страниц: пометки, даты, имена. В углу одной — жирный восклицательный знак, нарисованный когда-то в порыве внезапной идеи, теперь уже забытой. Из блокнота выскользнула синяя ручка, с обгрызенным колпачком. Ульяна машинально подхватила её, покрутила в пальцах. Колпачок привычно лёг в ямку между большим и указательным. Мать грызла колпачки точно так же, задумавшись;

Ульяна ещё в детстве злилась — вечно у них в доме ручки были с помятыми колпачками. Теперь её собственный был истёрт точно так же, и она не помнила, когда это началось.

Она захлопнула блокнот, поднялась и огляделась. Чай так и стыл на столе, нетронутый. Она выкинула лимон, чай вылила в раковину, сполоснула кружку и пошла в спальню собираться. В спальне она открыла шкаф и достала старый рюкзак с потёртой молнией. Он был неудобный, с кривой спинкой, но рука привыкла к нему. Она начала кидать вещи — не методично, как Ивар, а вперемешку, руководствуясь внутренним списком, который никогда не записывала, но всегда помнила. Тёплые носки — даже летом, потому что в Карелии ночи холодные. Диктофон и запасные батарейки, она всегда боялась, что диктофон сдохнет в самый неподходящий момент, хотя такого не случалось ни разу. Карта с полустёртыми карандашными пометками. Фотография матери — та самая, с финским хутором, — вложенная между страницами блокнота. Ульяна не смотрела на неё, просто проверила, что фотография лежит на месте.

Она застегнула рюкзак, поставила его у двери и пошла умываться. В ванной плеснула в лицо холодной водой и посмотрела на себя в зеркало. Глаза красные, под ними — тени. Спать хотелось невыносимо, но она знала, что, едва ляжет, мысли о завтрашнем дне разгонят любой сон.

Она всё равно легла. Выключила торшер, натянула одеяло до подбородка и уставилась в потолок. За окном шумел дождь, и в его ровном шорохе ей слышалось что-то знакомое — не слова, а ритм, как будто кто-то далеко-далеко перебирал жемчуг. Раз, два, три. Она закрыла глаза и не заметила, как уснула.

Ивар задержался у двери, придерживая её плечом, пока снимал ботинки. Левый шнурок опять развязался, тот самый, который он уже трижды затягивал сегодня. Надо бы выбросить и взять новые, но рука не поднималась: эти шнурки ещё с Метростроя, с последней смены, когда бригадир Кравченко хлопнул его по плечу и сказал: «Бергс, ты как хочешь, а я сегодня пораньше свалю, у дочки утренник». Он тогда ответил что-то дежурное, кажется, «давай, только завтра с тебя проходка». Завтра не наступило. Шнурки остались.

В квартире было темно, и Ивар не стал включать свет. Прошёл на кухню, ориентируясь по едва заметному прямоугольнику окна, и вдруг на секунду потерял ориентацию. Вот только что пол был внизу, а стена слева — и вдруг внутреннее ощущение перевернулось: пол стал потолком, стена — пустотой, и он висит в этой пустоте, как в том тоннеле, где компас сошёл с ума. Он зажмурился, вдохнул, выдохнул, открыл глаза. Пол был на месте. Так бывало уже не раз, и врачи только разводили руками. Ивар знал, что это не пройдёт, он просто научился ждать, пока мир вернётся в рамки.

Чайник загудел почти сразу — Ивар залил воду ещё утром, по привычке, которую привила мать: уходя, оставляй полный, вечером будет быстрее. Мать давно переехала обратно в Латвию, а привычка осталась. Как и многие другие, которые он не собирался искоренять. Пока вода закипала, он достал из шкафа жестяную банку с мятой. Банка была старая, ещё с рижским орнаментом по бокам — бабушка присылала в таких печенье. Теперь в ней хранилась мята, которую он покупал в аптеке на углу.

Он заварил чай и сел за стол, подперев голову рукой. Перед ним лежал планшет со схемой усадьбы, которую скинул Глеб. Ивар вёл пальцем по линиям — прихожая, гостиная, лестница, — пока не дошёл до подвала. Палец замер. Подвал на схеме был обозначен пунктиром, словно тот, кто чертил, сам не был уверен, что он там есть. Ивар обвёл его красным, поставил знак вопроса и отодвинул планшет. Но даже когда тот погас, красный кружок ещё несколько секунд стоял перед глазами — как ожог на сетчатке.

Он поднялся, подошёл к шкафу и начал собираться. Рюкзак был тот же, с которым он спускался в тоннель пятнадцать лет назад. Лямка протёрлась до основы в том самом месте, где

её перетирал ремень каски. Каску он оставил в раздевалке, когда писал заявление. А рюкзак зачем-то забрал. Как будто если выбросить всё сразу, то вместе с вещами исчезнет и последняя связь с тем, что случилось. Ивар не был суеверен, но некоторые вещи хранил.

Он уложил термос, запасные батарейки, планшет в защитном чехле — чехол был испарпан и потёрт, но менять его Ивар не собирался. Вещь работала, а остальное не имело значения. Свитер, смена белья, изоленга. Он брал только то, что могло пригодиться, и ничего сверх. Руки двигались сами, без участия головы, тело помнило алгоритм сборов лучше, чем он сам. Уже закрывая рюкзак, он вдруг замер. Подошёл к двери и проверил замок. Дважды. Хотя точно помнил, что закрыл его, когда вошёл. Старая привычка — возвращаться и перепроверять. Появилась после тоннеля, вместе со многими другими, и если уж шнурки он менять не собирался, то эту привычку ему навязали обстоятельства. Он не спорил. С ней было спокойнее.

Перед тем как лечь, он постоял у окна. За стеклом горели редкие окна, и в одном из них кто-то смотрел телевизор — по стене метались синие отблески. В кухне гудел холодильник, и гул этот походил на тот, что стоял в тоннеле перед появлением белого пятна. Ивар поймал себя на том, что вслушивается в него, пытаясь различить слова. Никаких слов, конечно, не было. Он выдохнул и заставил себя отвернуться.

Допил чай, вымыл кружку и поставил её на сушилку ручкой влево. Он не помнил, когда начал так делать. Кажется, после того случая в тоннеле: вдруг стало важно, чтобы вещи стояли на своих местах. Чтобы хоть что-то в этом мире было предсказуемо.

Лёг, закрыл глаза и приготовился к долгому ожиданию сна, он всегда засыпал трудно, с задержкой в несколько минут, за которые успевал прокрутить в голове всё, что случилось за день. Но сегодня мысли разбегались, как тараканы от света. Подвал усадьбы. Тоннель. Белое пятно в конце. Кравченко, который сказал: «Ты разве не слышишь?» — и пошёл в темноту, не оборачиваясь.

Ивар открыл глаза и уставился в потолок. Сна не было ни в одном глазу. Он снова закрыл глаза и начал считать шаги, как тогда, когда стоял на границе невидимой черты, за которую так и не решился шагнуть. Раз, два, три... На пятнадцатом шаге он всё-таки провалился в дремоту, но даже там, на границе между сном и явью, в конце коридора стояла женщина в белом и перебирала жемчуг. Раз, два, три.

Просто ночь перед долгой дорогой. Просто тени, которые никогда не уходят до конца.

Артём вышел из издательства и тяжело вздохнул. В городе ему всегда было тесно — не телу, а чему-то внутри, что привыкло к простору. Он поднял воротник куртки и направился к своей «буханке», припаркованной у тротуара. Ехать обратно домой смысла не было: завтра выезжать затемно, а до озера два часа пути. Он набрал матери.

— Я в городе, — сказал он, когда она сняла трубку. — Завтра с утра выдвигаемся. Домой приеду, переночую.

— Давно пора, — ответила она. — Ключи-то у тебя есть?

Ключи были. От квартиры, которую отец получил от лесхоза ещё в девяностых. Тогда это было просто жильё на случай, если кто-то из детей поедет учиться в город. Никто не поехал — Лена была ещё мала, а Артём сразу после учебы ушёл в лесоохрану. Квартира стояла пустая, пока мать не переехала туда после того, как дочь пропала. Сказала: «Не могу там больше. Каждая вещь — про неё». Артём её понял. Сам он, наоборот, из леса уходить не захотел. Каждый справлялся как мог.

Он поднялся на четвёртый этаж и открыл дверь. В прихожей горел свет. Мать сидела на кухне за столом, перед ней лежала раскрытая газета с кроссвордом. Половина клеток уже

была заполнена аккуратным, почти школьным почерком. Увидев его, она поднялась, оглядела с головы до ног — не похудел ли, не осунулся ли.

— Есть будешь? Я котлеты разогрею, утром нажарила. И макароны там.

— Давай, — кивнул Артём, стягивая ботинки.

Мать загремела кастрюлями и сковородкой. На плите зажглась конфорка, и кухня наполнилась запахом разогретого масла. Артём сел на табурет у окна и, пока мать хлопотала, смотрел на неё. Она двигалась так же, как раньше, в их деревенском доме, — споро, без суеты, каждой вещи зная своё место. Только здесь, в городской квартире, движения стали чуть более скованными, будто пространство не давало развернуться.

— Чего сидишь? Руки мой, — бросила она через плечо.

Он хмыкнул и пошёл в ванную. Когда вернулся, на столе уже стояла тарелка с макаронами и румяной котлетой, а рядом — нарезанный хлеб и солонка.

— Не ресторан, конечно, — сказала она, садясь напротив. — Но после твоей лесной еды сойдёт.

— Сойдёт, — согласился Артём.

Она смотрела, как он ест, и молчала. Потом спросила:

— В Карелию, сказал?

— Ага. Глеб позвонил. Усадьба какая-то, «Белый Мыс». На неделю, может, чуть больше.

— Людей-то много?

— Пятеро. Я, Глеб, Ульяна, Ивар и врач наша. На двух машинах.

Мать кивнула, подпёрла щеку рукой. Про «Белый Мыс» она ничего не знала, но Глебу доверяла: Артём с ним работал уже не первый год, и пока всё обходилось. Она помолчала, потом вдруг спросила:

— А оружие взял?

— Взял, — ответил он, не переставая жевать.

— Ну и хорошо.

Она поднялась и ушла в его комнату. Артём услышал, как хлопнула дверца шкафа, как скрипнул диван — мать стелила постель. Он доел котлету, вытер хлебом остатки масла с тарелки и понёс её к раковине, но мать уже вернулась на кухню и перехватила тарелку.

— Я сама помою. Иди ложись.

— Мам, я в состоянии тарелку сполоснуть...

— Иди ложись, — повторила она тоном, не терпящим возражений. — Завтра рано вставать.

Он пошёл в комнату. Диван был застелен свежей простынёй, подушка взбита, сверху лежало тёплое одеяло — то самое, под которым он спал ещё в детстве. На прикроватной тумбочке стояла кружка с водой и лежала пара чистых носков — положила на случай, если его собственные промокли. Артём усмехнулся, качнул головой. Маму не переделаешь.

Он достал из рюкзака «Зенит», повертел в руках, провёл пальцем по царапине на нижней крышке. Не стал долго рассматривать, сунул обратно. Снял джинсы, лёг под одеяло и закрыл глаза. Впервые за долгое время не на спальнике, не в сторожке, не под шум сосен, а дома, в комнате, где пахло свежим бельём и чуть-чуть — мамиными духами, теми самыми, что она покупала ещё в их деревенском магазине много лет назад. Запах был стойкий, сладковатый, и он не раздражал. Просто был как фон, как память, которую не выкинешь.

За окном прошуршали шины и стихли, где-то в соседнем дворе залаяла собака и тут же смолкла. Артём лежал и думал о том, что завтра они поедут в Карелию, в дурное место, о котором молчали старики. Он не боялся, он слишком долго искал сестру, чтобы бояться леса. Но что-то внутри — то самое, что просыпалось каждый раз, когда он смотрел на последний кадр Лениной плёнки, — твердило: «Это не просто выезд. Это начало другого пути».

Он закрыл глаза и заснул быстро, без сновидений. Только под утро мелькнуло что-то знакомое — опушка, зелёная куртка, щелчок затвора. Но он не запомнил. Просто отголосок. Просто ночь перед дорогой.

Ивар вырулил со двора в половине пятого утра. Машина у него была приемистая, с широким капотом и мягкой подвеской, он брал её не для города, а для таких вот выездов, где асфальт мог кончиться в любой момент. Двигатель урчал ровно, почти неслышно. Ивар любил эту машину молча, как любил всё, что работало безотказно.

Первой он подобрал Евгению. Она уже ждала у подъезда с походной сумкой и термосом в руках — закутанная в шарф, сонная и злая. Села на заднее сиденье, буркнула что-то про «ни свет ни заря» и тут же уткнулась в телефон. Следом заехали за Ульяной. Она вышла из парадной легко, без тени сонливости, перекинула рюкзак на заднее сиденье и села вперёд. Последним был Глеб. Он ждал на углу, как и договаривались, с небольшой спортивной сумкой через плечо. Когда машина остановилась, он открыл водительскую дверцу и кивнул Ивару:

— Дальше я.

Ивар не спорил. Он пересел на пассажирское место, устраивая свой термос между ног, а Глеб занял место за рулём, машинально поправил зеркало, проверил передачу и тронулся. Ивар предпочитал быть пассажиром не из лени, а из привычки: за баранкой взгляд упирается в дорогу, а с пассажирского сиденья видно горизонт, обочины, небо. Можно считать ландшафт, замечать детали, которые водитель пропустит. Ивар так и делал — смотрел, запоминал, строил в голове карту. Глеб не возражал. В конце концов, каждый в этой команде делал то, что умел лучше всего.

На выезде из города, у заправки, их уже ждал Артём. Он стоял у своей «буханки», грея ладони о бумажный стаканчик с кофе. Увидев их, коротко махнул рукой — мол, поехали, — и запрыгнул за руль. Две машины вырулили на шоссе и двинулись на север.

Глеб сжимал руль слишком сильно — до побелевших костяшек, — заставил себя разжать хватку, но это не помогло: напряжение перетекло в плечи, в шею, засело под лопатками тупой болью. Дорога оставляла слишком много места для мыслей, а мысли в последние дни были не те, которые хочется пускать на порог. Они приходили без стука, усаживались в кресло напротив и смотрели её глазами. Глеб мотнул головой, не сейчас.

Дорога выровнялась, сосны за окном слились в одну бесконечную стену, и Глеб перестал различать отдельные стволы. Взгляд цеплялся за точку где-то за горизонтом, но мысли ушли далеко — в то место, которое он запер пять лет назад и надеялся никогда не открывать. Однако теперь, когда усадьба ждала впереди, воспоминание лезло наружу само, как вода сквозь трещину в бетоне.

Они познакомились на Кольском. Глеб прилетел на точку в конце августа, когда тундра уже горела ржавчиной и багрянцем, а сопки стояли голые, продутые ветром до кости. Его определили в партию инженером по креплению, он должен был ставить рамы и затяжки в старой разведочной штольне, которую решили расконсервировать. Денег дали мало, людей дали мало, а тоннель был старый, ещё пятидесятих годов, с деревянной крепью, которую давно пора было менять на металлическую.

Алису он увидел в первый же день. Она сидела в бытовке на перевёрнутом ящике из-под взрывчатки и варила кофе в жестяной кружке на кипятильнике. Маленькая, светловолосая, с обветренными губами, которые она то и дело трогала кончиком языка. Ворот штормовки поднят, хотя в бытовке было тепло. Привычка — на ветру иначе нельзя. Когда Глеб вошёл, она обернулась, оценила его с ног до головы и сказала:

— Инженер по креплению — это тот, кто отвечает, чтобы на нас ничего не упало?

— Типа того, — ответил он.

Она усмехнулась и протянула ему кружку.

— Тогда пей. Кофе паршивый, но другого нет.

Он взял кружку. Их пальцы соприкоснулись — у неё были холодные пальцы, несмотря на жару в бытовке. Всегда холодные, как он потом узнал.

Они прожили вместе три месяца. В полевых условиях всё происходит быстрее: нет времени на конфетно-букетные периоды, нет смысла притворяться. Ты видишь человека сразу — как он работает, как устаёт, как злится, как молчит. Алиса была из тех, кто молчал редко. Она болтала без умолку, когда нервничала, и замолкала только в двух случаях: когда ела и когда смотрела на карту. Карту она любила больше, чем кофе, больше, чем шоколад, больше, чем его, — он это понимал и не ревновал. В геологии иначе нельзя.

Он любил её за прямоту. За то, как она шурилась, глядя на образец. За то, как она ругалась, когда молоток соскальзывал с прожилка. За то, как она по утрам сидела на спальнике, обхватив кружку обеими руками, и смотрела в одну точку, просыпаясь. Он любил её за всё, но ни разу ей об этом не сказал. Не потому, что не хотел — просто не умел. Слова для него всегда были инструментом, а не чувством. Он мог объяснить, почему крепь надо ставить через каждые полметра, но не мог объяснить, что с ним происходит, когда она улыбается.

Штольню закрыли в ноябре. Вышло постановление: дальнейшая разведка нецелесообразна, объект законсервировать. Люди сворачивались, паковали оборудование. Но Алиса не хотела уходить. Она нашла в правом рукаве что-то, что показалось ей перспективным, — аномальные показания, выходы с минерализацией, которая не вписывалась в общую картину. Глеб видел её пробы: действительно странные, с высоким содержанием редкоземельных элементов, нехарактерных для этого района. Начальник отмахнулся: «Денег не дадут, сворачивайтесь». Она спорила, потом затихла. И попросила Глеба помочь ей сделать ещё один выход.

— Я быстро, — сказала она в то утро. — Только гляну, что там в правом рукаве. Подержи фонарь.

Они стояли на развилке. Левый рукав Глеб укрепил за неделю до этого: поставил шесть новых рам и перекрыл свод металлической сеткой. Он знал, что там безопасно. Правый рукав был узким, с глинистым полом, и крепь там стояла старая, ещё деревянная, кое-где подгнившая. Он должен был добраться до него на следующей неделе, но не успел.

— Крепь там старая, — сказал он. — Может, подождёшь, пока я заменю?

— Мы послезавтра уезжаем, Глеб. Послезавтра здесь уже никого не будет. Я хочу понять, что это за аномалия.

— Это подождёт. Потом приедем.

— Потом денег не дадут, и никто сюда не вернётся. Ты же знаешь.

Он знал. Знал, что если они сейчас уедут, то штольню законсервируют навсегда, и правый рукав так и останется загадкой. Он знал, что Алиса не простит себе, если не проверит. И он знал, что не хочет выглядеть тем, кто ограничивает её свободу.

— Я быстро, — повторила она. — Только гляну и обратно.

Он остался у входа в правый рукав. Светил фонарём. Пятно света уходило всё дальше, мелькало на мокрых стенах, на ржавых шляпках гвоздей в крепи. Он слышал её шаги — чавкающие, по глине. Слышал её дыхание — ровное, спокойное.

— Ну что там? — крикнул он.

— Пока ничего! Погоди.

Он ждал. Секунды тянулись дольше обычного. Тишина была плотной, ватной, как в подземелье всегда бывает. Где-то позади капала вода, и этот звук казался единственным живым в этом месте.

— Глеб!

— Что?

— Тут... Слушай, можно я ещё на пару метров пройду? Здесь какая-то жила странная, в своде. Я хочу посмотреть.

Он помедлил. Свод — это самое опасное. Если в своде трещина, то крепь может не выдержать. Но она была геологом, она знала, на что идёт. И он не хотел быть тем, кто скажет «нет» из страха.

— Я аккуратнo, — добавила она. — Честно.

— Давай, — сказал он. — Только быстро.

Последнее, что он слышал — её шаги, уходящие дальше в темноту.

Треск раздался через минуту. Звук был сухим, как выстрел, и коротким, как вдох. Он не сразу понял, что это. А потом грохот — тяжёлый, утробный, когда порода пошла вниз, и крепь лопнула, и всё смешалось в один звук, похожий на вздох земли.

— Алиса!

Он крикнул раз, другой, третий. Тишина. Только эхо от его голоса, гулкое и бесполезное. Он бросился в рукав, но через пять метров упёрся в завал. Порода, глина, щебень, обломки дерева — всё перемешалось в глухую пробку. Он начал разгребать руками, ломая ногти, хватая камни, отбрасывая их назад. Кричал. Звал. Слушал. Ничего.

Потом включил рацию. Вызвал подмогу. Спасатели шли сорок минут. Он сорок минут сидел у завала, говорил с ней — не зная, слышит ли она, жива ли. Рассказывал, как они поедут в отпуск, как он купит ей новую куртку взамен этой протёртой, как они увидят море. Он никогда не говорил ей столько слов. Слова лились сами, бессвязные, отчаянные, и он ненавидел себя за то, что не говорил их раньше.

Когда разобрали первые камни, он увидел её руку — ту самую, со шрамом от керновой колонки, которую он зашивал два месяца назад, смеясь и матерясь. Он держал её за эту руку, пока спасатели разбирали завал, и не отпускал, даже когда понял, что рука холоднее, чем обычно.

Алиса не выжила. Свод рухнул целиком, крепь сложилась, как карточный домик. Ему потом говорили: ты не виноват, ты не мог предвидеть, крепь старая, виноватых нет. Но он знал правду. Он мог пойти с ней. Мог настоять, чтобы она вернулась. Мог заменить крепь раньше, не откладывая на следующую неделю. Он мог сделать многое. И не сделал.

На похороны он не поехал. Сказал, что не может. На самом деле — не захотел видеть её мать, которая смотрела бы на него и, возможно, думала то же, что и он.

Пять лет он таскал за собой это знание, как якорь, который не даёт всплыть. Он сменил профессию, ушёл из геологии, занялся издательством — и это было бегством. Он знал. И теперь, глядя на серую ленту шоссе, думал: он едет в усадьбу не ради Дениса. И даже не ради прабабкиного дневника. Он едет, потому что это место притягивает его — так притягивает всё, что связано с потерей. Он не знал, что именно там найдёт. Но чувствовал: после «Белого Мыса» что-то изменится. Либо он наконец отпустит Алису, либо увязнет в прошлом навсегда.

И это пугало его сильнее всего.

Глава 2. Приближение

1921 год, октябрь.

Карелия, лес в окрестностях усадьбы «Белый Мыс».

Пёс начал скулить ещё у болота, прижимал уши, поджимал хвост и забегал вперёд, словно пытаясь увести Кравцова обратно. Тот цыкнул на него и потрепал по загривку. Лось был где-то рядом — свежий помёт, обглоданная кора, — и бросать охоту из-за того, что собака нервничает, Кравцов не собирался.

А потом пришёл туман. Он напоз не с озера, как обычно, а с болота — густой, белёсый, пахнувший не водой, а чем-то сладковатым, как прошлогодняя листва, которую ворошишь ногой. В один миг лес исчез. Кравцов выругался, встряхнул компас, но стрелка медленно ползла по кругу. Он убрал компас в карман и взял пса за ошейник. Дым дрожал, и шёл рядом, прижимаясь к ноге.

Они продирались сквозь туман вместе. Кравцов выставил руку вперёд, спотыкаясь о корни, и чувствовал, как холод забирается под куртку. Звуки исчезли — ни птиц, ни ветра, только дыхание и шорох шагов. Он не боялся леса, прожил в нём двадцать лет, но этот туман был чужим. Неправильным. Он как будто вытягивал из него чувство направления. Когда пелена рассеялась, они стояли на поляне перед усадьбой. Кравцов узнал это место. «Бесов Мыс» — так его называли в деревне. Он никогда не вдавался в подробности, мало ли что болтают старики. Но сейчас, в сумерках, дом смотрел на него пустыми глазницами окон, и под ложечкой засосало холодком. Дождь зарядил с новой силой, мелкий, въедливый, какой бывает только в карельскую осень. Идти обратно в лес, в туман, без компаса — верная смерть. А здесь хотя бы крыша над головой. Одна ночь, а утром он найдёт дорогу.

Дым замер. Шерсть на загривке встала дыбом, он вытянулся струной и зарычал — низко, утробно, как никогда раньше. Кравцов потянул его за ошейник, но пёс упёрся всеми четырьмя лапами и не шёл. Он смотрел на дом и рычал.

— Дым, пошли. Это просто дом.

Пёс не двинулся, Кравцов отпустил ошейник. Дым остался у кромки леса, сел, наострил уши и заскулил — тихо, жалобно, как щенок.

— Я скоро, — сказал Кравцов.

И вошёл в дом. Внутри пахло не плесенью, как он ожидал, а чем-то сладковато-цветочным. В доме было чисто, до неестественности чисто для заброшенной усадьбы. Ни пыли, ни паутины, в гостиной горел камин, и в кресле у огня сидела женщина.

Кравцов сдёрнул ружьё с плеча.

— Кто вы?

Она плавно повернула голову, как будто под водой. Молодая. Тёмные волосы, белое платье, слишком лёгкое для такого холода. На шее — нитка жемчуга. Она улыбнулась — устало, вымученно, как улыбается человек, который не спал очень долго.

— Не бойтесь. Я здесь живу. В доме есть чай. Вы, должно быть, замёрзли.

Кравцов не опустил ружьё, что-то в ней было не так. Не в лице, не в голосе — в самой фигуре. Она двигалась слишком плавно. И смотрела не на него, а словно куда-то сквозь.

— Вы одна здесь?

— Одна. Уже очень давно.

Он должен был уйти. Жена ждала его дома. Дети — младшему всего четыре, он не уснёт без отца. Собака сидела у кромки леса. Но вместо этого Кравцов сел в кресло и взял чашку, которую она ему протянула. Чай был горячим и пах травами.

Она говорила тихо, неторопливо. О погоде, об озере, которое скоро замёрзнет, о птицах, улетевших на юг. Он отвечал коротко, но голос её убаюкивал. Он не заметил, как перестал слышать шум дождя за окном.

— Я редко вижу людей, — сказала она. — Очень редко. Вы не могли бы остаться ещё ненадолго? Просто посидеть. Просто поговорить.

Он хотел отказаться, но посмотрел ей в глаза и осёкся. В них стояла такая тоска, такая выжженная пустота, что ему стало страшно — не за себя, за неё.

— Ладно. Ещё немного.

Немного растянулось на три дня. Он помнил их урывками. Чай. Камин. Её голос. Она показывала ему комнаты, он шёл за ней, и каждый раз, когда пытался повернуть к выходу, что-то его останавливало. Не стена — мысль. Что снаружи дождь и холод, а здесь тепло. Что там — бесконечный лес, а здесь — её голос, тихий, как колыбельная.

На третий день он спустился в подвал. Не помнил, как там оказался. Просто шёл по коридору и вдруг увидел провал в полу, из которого тянуло холодом и сладковатым запахом. Ноги сами понесли его вниз. Камень лежал в центре подвала — гладкий, тёмный, с красными прожилками. От него шло тепло, как от печки. Кравцов положил на него ладонь — и камень задышал. Он не мог оторвать руку, не хотел. Красные прожилки становились ярче, пульсировали в такт его сердцу, и он чувствовал, как что-то уходит из него. Не боль, не страх, что-то другое, что-то, без чего он был пустым.

Женщина в белом нашла его через час. Он лежал на полу и не мог пошевелиться. На губах застыла белая ниточка — не то слюна, не то что-то другое, вязкое, перламутровое. Она села рядом, провела ладонью по его волосам.

— Прости, — прошептала она. — Я не хотела. Я никогда не хочу.

И заплакала, искренне, горько, как плачут о близком. Через три дня тело исчезло. Камень втянул его, как втягивал всех. А Вера вернулась в гостиную, села у камина и стала ждать следующего. Она знала: он придёт. Рано или поздно. Все приходят.

27 июня 2024 года, четверг. Раннее утро.

Санкт-Петербург — Карелия, Ново-Приозерское шоссе.

Рядом, на пассажирском сиденье, дремала Ульяна. Глеб не смотрел на неё — следил за дорогой, — но каждый раз, когда она во сне меняла позу или вздыхала, его рука на руле сжималась чуть сильнее. Старая привычка: в экспедициях всегда нужно знать, кто где находится и в каком состоянии. Ничего личного. Машину тряхнуло на ухабе, и прядь волос упала Ульяне на лицо. Глеб смотрел на дорогу, но краем глаза видел эту прядь. Через минуту Ульяна сама, не просыпаясь, смахнула её, и он выдохнул, поймав себя на том, что ждал этого.

Ново-Приозерское шоссе убегало вперёд — серая лента, разрезающая бесконечный сосновый лес. За окнами мелькали дачные посёлки, потом они поредели, и теперь по обе стороны стоял только густой лес, тёмный, равнодушный, с редкими вкраплениями берёзы и осины. Глеб приоткрыл окно на пару сантиметров, и в салон ворвался влажный, смолистый запах с примесью близкой воды. Ладога дышала где-то справа, невидимая за стеной деревьев.

Сзади молчали. Глеб бросил взгляд в зеркало заднего вида. Евгения сидела, откинувшись на спинку, и смотрела в окно. Она заняла почти всё пространство, вытянув ноги к дверце, её плечо оказалось в опасной близости от плеча Ивара — сантиметра три, не больше. Будто специально села так, чтобы это расстояние сохранялось, но не исчезало.

— У меня на лице что-то интересное? — спросил Ивар, не оборачиваясь.

— Я смотрю в окно.

— Окно с другой стороны.

— У меня шея затекла. Разминаю.

Ивар едва заметно усмехнулся. Он сидел прямо, руки на коленях, лицо спокойное. Смотрел на мелькающие сосны, и со стороны могло показаться, что его вообще нет в этой машине — настолько он умел становиться незаметным. Но Глеб знал: это иллюзия. Ивар замечал всё, просто не показывал.

Он тоже не отодвинулся. Их плечи почти соприкасались, и это молчаливое «почти» говорило громче любых слов.

Ульяна пошевелилась, приоткрыла глаза.

— Далеко ещё?

— Часа полтора. Приозерск проехали, скоро поворот на грунтовку.

Она потянулась, разминая затёкшую шею, и блокнот соскользнул с колен. Поймала в последний момент, прижала к груди.

— Я пересмотрела фотографию из архива, — сказала она, глядя на сосны. — Та, где «Белый Мыс». Там в окне второго этажа было светлое пятно. Я сначала решила — дефект плёнки. А теперь думаю: может, и нет.

— В моём тоннеле тоже была... аномалия, — отозвался Ивар с заднего сиденья. — Небольшой участок, метров тридцать. Приборы сходили с ума, связь пропадала. И главное — чувство, что ты там не один. Я тогда списал на наведённые токи и грунтовые воды. Сейчас уже не уверен.

Евгения хмыкнула.

— Инженер, который верит в привидения. Мне это нравится.

— Я не верю. Я допускаю.

— Это одно и то же, просто звучит солиднее.

Ивар помолчал.

— Допускать — значит не исключать. Верить — значит принимать без доказательств. Разные вещи.

— О, он ещё и определения даёт. — Евгения повернулась к нему. — И много ты таких мест... допустил?

— Достаточно, чтобы не лезть в подвал без плана.

Ульяна усмехнулась, но усмешка вышла невесёлой.

— А я вот не знаю, что лучше — допускать или верить. Видео Дениса до сих пор из головы не выходит.

— Оно ни у кого не выходит, — тихо сказал Ивар.

В салоне повисла пауза. Евгения достала из сумки термос с чёрным чаем и молча протянула Ивару. Он принял, и их пальцы соприкоснулись на секунду дольше, чем требовалось. Ивар не отдернул руку, а Евгения не сделала вид, что не заметила, — просто отпустила термос и отвернулась к окну. Ивар сделал глоток, и, кажется, впервые за всё время поездки его плечи чуть опустились. Глеб заметил это в зеркале заднего вида. Он вообще замечал многое, о чём предпочитал не говорить.

Грунтовка ещё не началась, но асфальт уже закончился, и машина мягко шла по укатанной просёлочной дороге, когда Артём, ехавший впереди на своей «Буханке», вдруг сбросил скорость и включил поворотник.

— Что там? — Ульяна вытянула шею.

Глеб прищурился. В стороне от дороги, метрах в трёхстах, виднелись крыши — тёмные, покосившиеся, вросшие в землю. Деревня. Или то, что от неё осталось. С десятков домов, сараи с провалившимися кровлями, журавль колодца, торчащий в серое небо. Ни одного признака жизни.

Артём остановил «Буханку» и вышел. Глеб припарковался следом.

— Ты чего? — спросил он, подходя.

Артём стоял, уперев руки в бока, и смотрел на деревню не мигая. Ветер шевелил крапиву у заброшенных ворот, и в этом движении было что-то неестественное — словно сама земля дышала, медленно и тяжело.

— Я здесь был, — сказал Артём. — Лет десять назад. Тогда ещё жили — дворов пять, одни старики. Собак держали, кур. Вон у того дома, с зелёными ставнями, бабка сидела на лавке и семечки лузгала. Я у неё молока купил.

Он кивнул на крайний дом. Дом с зелёными ставнями смотрел пустыми глазницами. Лавка, на которой сидела бабка, лежала на боку, вросшая в крапиву. Ржавая кружка, из которой он когда-то пил молоко, валялась тут же, наполовину засыпанная прелой листвой.

— А теперь...

Он не договорил. Все и так видели.

— Думаешь, связано с «Белым Мысом»? — Ульяна уже достала блокнот.

— Не знаю. Но старики говорили: есть места, которые «закрываются». Люди уходят — и больше туда никто не возвращается. И всегда это рядом с чем-то дурным.

Он помолчал, потом кивнул на деревню.

— Я хочу посмотреть. Хотя бы пару домов. Понять, когда ушли и почему.

Евгения выбралась последней, хлопнула дверцей, скептически оглядела мокрые крыши.

— Мы вообще-то к усадьбе ехали.

— Это недолго, — бросил Артём и уже шагал к околице.

Глеб переглянулся с Иваром. Тот едва заметно пожал плечами — мол, пусть, — и они двинулись следом. Ульяна, разумеется, тоже, и Евгении ничего не оставалось, как, ворча под нос, присоединиться.

Дорога, когда-то бывшая главной улицей, теперь представляла собой две колеи, заросшие травой и засыпанные прошлогодней хвоей. Избы стояли по обе стороны — тёмные срубы с наличниками, на которых ещё угадывались остатки резьбы: подковы, ромбы, солярные знаки. Кое-где крыши провалились, обнажив стропила, похожие на рёбра. Крапива поднималась выше пояса, заглушая всё, что когда-то было огородом. В воздухе стоял запах мокрой трухи и заброшенности — запах, который ни с чем не спутаешь.

Евгения куталась в куртку и всем видом показывала, что ей здесь неуютно.

— Тишина-то какая, — пробормотала она. — Даже ворон нет.

— Птицы не дураки, — отозвался Артём, не оборачиваясь. — Если место мёртвое — улетают.

Он шёл медленно, вглядываясь в каждый двор. Он знал эту деревню ещё живой. Знал бабку с семечками, знал мужика, который чинил трактор у крайнего сарая, знал мальчишку, который гонял на велосипеде по этой самой дороге. Теперь здесь не было никого. И эта пустота давила на плечи тяжелее, чем самый тёмный лес.

Он думал о том, как год за годом ездил по этим местам в поисках Лены. Сначала — с надеждой, потом — с отчаянием, потом — просто по привычке, потому что не мог не ездить. Каждую осень, когда лес редел и дороги становились проезжими, он заводил свою «буханку» и отправлялся в путь. Заезжал в каждую деревню, в каждый хутор, говорил со стариками, показывал фотографию сестры. Старики качали головами: не видели, не слышали, может, в городе искать надо? Он мотал головой и ехал дальше.

С каждым годом деревень становилось меньше. Сначала умирали те, что на отшибе, — одна изба, другая, третья, — потом пустели и большие сёла. Он заезжал в них и видел одно и то же: заросшие крапивой огороды, выбитые окна, печные трубы, торчащие в небо, как немые укоры. Иногда ему казалось, что он едет не по Карелии, а по кладбищу, где вместо крестов — остовы домов. Люди уходили — кто в город, кто на погост, — и земля затягивала их следы травой и мхом, как затягивает рану.

Он не был суеверным. Но чем дольше он ездил, тем чаще ловил себя на мысли, что некоторые деревни умерли не своей смертью. Что-то словно выпило их — медленно, незаметно, год за годом. И теперь, глядя на заросшие крапивой дворы и пустые глазницы окон, он понимал: старики не жаловались. Они прощались. И не только с людьми — с самой землёй, которая переставала их держать.

Он остановился у первого дома. Дверь была заколочена двумя досками крест-накрест, но одна уже оторвалась и висела на ржавом гвозде. Окна выбиты, внутри — чернота. Во дворе — остов велосипеда, вросший в землю колёсами, и чугунок, до половины набитый слежавшейся листвой. На верёвке, натянутой между домом и сараем, всё ещё висело бельё — точнее, то, что от него осталось: серые лохмотья, которые колыхались на ветру, как призраки прежней жизни.

— Этот пустой давно, — сказал Артём. — Лет пятнадцать, не меньше. Смотрите, бельё даже не сняли. Уходили второпях.

— Зайдём? — спросил Глеб.

Артём кивнул, толкнул дверь. Она подалась с тяжёлым, влажным скрипом.

Внутри пахло сыростью, старой золой и чем-то сладковатым — прелым деревом, тленом. Глеб невольно поморщился. В сенях валялись пустые мешки из-под картошки, на гвозде висел истлевший ватник. На полке, под слоем пыли, стояла стеклянная банка с чем-то тёмным — может быть, вареньем, может быть, давно высохшей заготовкой на зиму. Евгения заглянула в неё и быстро отвернулась. Прошли в горницу.

Мебель стояла на своих местах: стол, лавки, шкаф с покосившейся дверцей. На столе — опрокинутая кружка, рядом — скатерть с вышитыми петухами, насквозь пропитанная сыростью. На подоконнике — герань, превратившаяся в бурый скелет. В углу, у печи, стояла детская люлька — пустая, с истлевающим одеяльцем, которое кто-то зачем-то придавил камнем. Всё выглядело так, будто люди вышли ненадолго и почему-то не вернулись.

— Быстро ушли, — сказал Артём, оглядываясь. — Даже посуду со стола не убрали. И люльку не забрали. Камень на одеяле — это чтобы домовый не утащил. Старый обычай. Значит, верили, что вернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.